

ДОЧЬ ОРДИ ТАДЕР

(«БОЯТЬСЯ ПОЗДНО», ШАМИЛЬ ИДИАТУЛЛИН)

АСЯ МИХЕЕВА

Автор фантастических рассказов и повестей, рецензент фантастики («Новый мир», «Нрупа», «Фантлаб»), кандидат философских наук. Родом из Новосибирска, последние годы живет в Аргентине.

*Strange things did happen here, no stranger would it be
If we met at midnight in the hanging tree.*

Идиатуллин снова написал книжку в жанре страшенького (никто не удивлен), с характерно этнографическим заходом в способы жизни современной молодежи (никто не удивлен), на обложке есть котинки, котик — значимая часть сюжета. При невнимательном пролистывании книга добропорядочна, как сборник рецептов по засолке помидоров, — наивная молодежь на удаленной турбазе предается компьютерным играм, подвергается нападению невнятных гопников, фантастическими средствами и с помощью ношки гопников побеждает, хеппи-энд.

Хороший формульный триллер.

Мало того, что формульный, но еще и вольготно расположившийся в общем подмножестве сразу нескольких модных трендов. Главная героиня — юная девушка. Ставим галочку на янг-эдалт и на «литература, покупаемая женщинами», объемы которой, как уже известно, значительно превышают наивное предположение о пятидесяти процентах. Среди героев несколько татар, ставим галочку на раскрытии национальных трендов и региональном компоненте. В сюжете присутствует и оказывает героям посильную поддержку котик. Ставим толстую-претолстую галочку, ну котик, это же котик! Тем более аллюзия на «Матрицу», да, еще и опасные неконтролируемые компьютерные игры, что аж некоторое время ноутбук в руки брать страшно. Сплошное приятствие и польза.

Прекрасная книга, чего еще хотеть-то?

А вот о том, как выглядит происходящее из моего способа читать, даже как-то писать непросто в публичном пространстве.

Но я попробую.

Мы сейчас все дружно находимся в точке глубокой антиутопии. С одной стороны, бóльшая часть наших социальных связей реализована через интернет, а немалая — только и исключительно через интернет. С другой стороны, уже вполне очевидно, что частной территории в интернете больше нет. Любые комьюнити, чаты, группы, а то и лички заражены невидимыми до поры наблюдателями, иногда через пользовательские, иногда через модераторские, а порой и через системные доступы. Все, что мы делаем, все, что мы обсуждаем в интернете, — под колпаном; и если сорок лет назад не слишком примелькавшийся человек мог более или менее резонно полагать, что у товарища майора не хватит на него времени, то сейчас не то. Сбор и отсеивание первичной информации производят не сами наблюдатели, а автоматика. И более того, за самим стартом сообщества как таковым уже может стоять ловушка (привет *Зимнему прокурору*).

Реакция социальной динамики на фант константного просеивания генерируемого нами контента уже заметна. Эзопов язык, намени, увертки, замусоривание контента, понарошка.

Понарошка сама по себе сегодня защищает плохо (еще раз привет Зимнему прокурору), но в сочетании с эзоповым языком — «мы тут играемся, мы глупые несерьезные детишки, эээ драконы, ээээ гаррипоттер, ээээ строим дом из подушек, дядьенька» — пока (пока) считается относительно трудноуловимой. Больше шанс, что поиск по ключевым словам проскочит мимо за неиспользованием оных. Больше шанс, что живой аналитик, просматривая тред, в котором что-то смутило автоматину, заснучает и не свяжет мелкие намени в единую картинку. Больше шанс, что пока еще недообученный ИИ сделает неправильные выводы — особенно если параллельно значимому разговору вести несколько честных партий в «ДнД». Это просто игра, господин обер-полицейский.

Игра при этом не обязана быть вопиюще нереалистичной, типа «красивое парчовое платье», хотя и этими средствами камуфляжа пренебрегать не стоит. Давайте играть в «Что? Где? Когда?»? Доинтернетная, веселая, интеллигентная и вопиюще непрактичная игра! Смешные факты из жизни гепардов! Динамика размера попы Ним Нардашьян! Связь этимологии тамильского языка с досанскритскими надписями!

Прекрасное времяпрепровождение для скучающих интеллектуалов, совершенно безопасное и глубоко вегетарианское. Но сами люди, которые интересуются всем подряд и интересуются в том числе тем, чем интересуются те, кто интересуется теми, кто интересуется всем подряд, — уже прищурились и беззвучно двигают губами, артикулируя опасную аббревиатуру OSINT. Привет вам, компания Bellingcat, «Диссернет» и прантика носвенной оценки фальсификаций по Шпильнину. Получение ясных и неопровержимых ответов на неприятные вопросы посредством анализа открытого контента. Спрятать все невозможно никогда, и люди, заинтересованные и натренированные находить ответы по отсветам и отблескам, могут восстановить вырезанное даже по форме оставшегося пустого пятна. Очень неприятные, оказывается, люди, эти ваши что-где-когдашники.

Небольшой нюанс. В англоязычной «Википедии» в статье про OSINT аж в двух разделах статьи сказано, что это чрезвычайно опасная деятельность и что существуют обязательные приемы защиты и самозащиты осинтеров. В русскоязычной статье об этом не упоминается вовсе.

Итак, наши совершенно невинные почти подростки и безобидные гики в толкинических прикидах внезапно — просто с другого ракурса — оказываются реально опасными, тяжко враждебными тварями, на разработку которых совершенно не жалко выделить ресурсов не только онлайн, но и офлайн. Потому что совершенно неочевидно, какую именно нежелательную и огласке информацию осинтерские ручонки способны выудить буквально из ниоткуда. Помните, как в «Станерах» ученые восстанавливали сцены Константинопольской резни и кадры поедания динозаврами друг друга, через поведение микрочастиц и моделирование? Погодите, это ж что ж теперь — эти яйцеголовые в предельном случае могут подсмотреть ВООБЩЕ ВСЕ? Так их надо давить, пока маленькие!..

Их, в общем, и удавили. Вся команда мертва уже в конце первой главы. Никто не спасся. Никто из горе-энциклопедистов даже не успел понять, что, собственно, произошло. А вот дальше начинаются фантдопущения и чудеса, и «на самом деле так не бывает», но, опять же, при внимательном наблюдении из фона в фигуру складывается очередной нюанс.

И этот нюанс торчит на самом заметном месте, прямо у читателя перед носом. Торчит, притворяясь невинной ерундой, то есть фантдопущением. Все развитие событий ПОСЛЕ того, как профессиональные резкие ребята прекратили нежелательную активность команды гиков, основывается на том, что девушка Аля весь день опаздывает на четыре минуты. Ну и умереть она тоже опоздала — рассогласовалась с собственным персонажем в командной игре — и попала в многоразовый, хотя не бесконечный, цикл захода в жизнь с последнего сейва, то бишь с последнего пробуждения. Каждый раз, умерев, она просыпается шесть часов назад в элентричке, сохраняя какие-то знания об ожидающей локации и ее специфике, зато постепенно теряя знания о своей реальной жизни.

Я вообще не уверена, что Шамиль Шаунатович сформулировал это сознательно, но образ того, кто «на четыре минуты промахивается мимо всего», причем не весь день, а вообще пожизненно, лично мне указывает на совершенно конкретный тип людей. И к этому типу людей автор, в принципе, уже начал всерьез присматриваться, сделав героями в «До февраля» нелепую Аню и нелепую Пашу. Но там у героев была, самое большее, акцентуация. А Аля, с ее единственной подругой в 22 года, с родителями, вспыхивающими от счастья, что дочка с какими-то друзьями наконец-то куда-то поехала. Аля, неспособная убедить маму, что на одну ночевку не нужно брать чемодан, а школьника — что ей неприятны его ухаживания; которую нежно и внимательно опекает младший брат... Она нейроотличная.

Чуть-чуть.

На четыре минуты.

Ей ужасно неудобно жить, но она привыкла и, в общем, не знает разницы. Она, как большинство высокофункциональных нейроотличных девочек, адаптировалась и знает, где притвориться, что ей норм; когда отбарабанить наизусть положенные слова; а от каких воздействий лучше сразу упасть и притвориться мертвой — дешевле выйдет.

Потому что многое, что нормально для жизни обычного (нейротипичного) человека, на нее действует нестандартно и болезненно. Ее злят короткие одобрительные взгляды от симпатичного парня, пугает до усрачки ленивое конкетство молодого наначанного дядьки. Ее раздражают и подруга Алиса, и полузнакомая Тинатин (про вредную красавицу Алину что и говорить — бесит). Она в любой стандартной социальной связке торчит, как треугольник в круглой дырке. Да что с этой Алей

не так? Да те самые четыре минуты постоянно — плюс резкое непопадание в протокол, когда начинаются взаимодействия типа «ну мы же все всё понимаем, запускаяй шаблон». Нет у нее подсознательно усвоенных шаблонов, нарушено их усвоение.

И снова нам надо оглянуться на Стругацких. Помните, был у них описан такой тип людей, которые не усваивают фоновую пропаганду, а на массивную пропаганду отвечают болевым шоком? Они назывались «выродни».

На нейроразличного человека не работают или работают парадоксальным образом почти все механизмы психологического заражения. Ни групповой экстаз, ни групповая паника их не захватывают (хотя могут страшно, до истерики, бесить). У них не идет, или идет вкривь и вкось, произвольное формирование лояльности группе. Они почти не умеют мыслить в координатах «мы». То есть все те системно просчитанные психологические крючки, которые использует пропаганда в реальном мире, пролетают мимо выродка, как вирус мимо линукса. Высокая резистентность к пропаганде, основанной на факторах причастности и использующей произвольное для большинства из нас стремление нравиться своим. Нет, нейроразличных тоже можно заколдовать, как и нас с вами, но с каждым из них придется работать индивидуально и (а это, как мы помним, дорого).

Я даже вообще подумывала, стоит ли писать об этом в публичной рецензии, но, кажется, это уже не та информация, которую имеет смысл скрывать, — если судить по тому, какие принимаются изменения законодательства по нейроразличным людям. Кратко скажу тем, кто не интересовался. Объявлены нежелательными и даже вредными все прогрессивные технологии адаптации нейроразличных к социуму (которые в общем сводятся к плану «оставим твой способ мыслить как есть, но понятным тебе образом обучим тебя не ушибаться о человеческие практики»). А врачам рекомендовано выписывать им галоперидол. Да-да, галоперидол.

Те, кто выдвинул эти изменения в законе, уже знают, кто именно хуже всех подвержен пропаганде. И достаточно здраво оценивают угрозу, от иммунных происходящую. Особенно в том, что касается их способности добиваться поставленных целей. Выродки Стругацких во всем остальном, кроме реакции на пропаганду, ведут себя вполне обычно. А вот, скажем Уильям Гибсон в «All tomorrow parties» использовал механику аутистического гиперфонуса в образе невербального мальчика, прямо по ходу сюжета приобретшего пунктик на механических наручных часах. И вся маскировка тамошнего главного гада, который прятался от сильно разозленных людей и искусственных интеллектов, слетела, как бумажная, когда аутисту в гиперфонусе назвали марку и индивидуальный номер часов, которые этот главный гад носил. Аля — девочка вполне вербальная и очень хорошо адаптированная к социальной жизни, но характерные для аутистического спектра цепкость и упертость ее становятся тем намушном, на котором скрежетает, сбивает и идет вразнос подготовленная профессионалами своего дела операция по зачистке свидетелей. Аля застревает поперек ловушки, как Иванушка в устье печки Бабы-яги — ни туда, ни сюда.

И среди нас, сейчас, ходят такие же, как Аля, упрямые, некоммуникабельные, раздражительные люди. Способные двести сорок раз прожить одни и те же шесть часов, не потеряв целеполагания. Разобраться досконально во всем, что происходит, и дать команде шанс может быть

и не выжить — хотя автор героям привычно немножко подсуживает, — но по крайней мере погубить убийц. Выродни остро необходимы каждому обществу, как остро необходим мутагенез каждой популяции. Нан Аля спасает свою команду, так и разного типа странненькие, некоммуникабельные, неудобные, требующие к себе индивидуального подхода люди — наша, во многом, последняя надежда в реальности. Тому в биологии есть довольно внятное объяснение. Дело в том, что некоторое отличие от общей популяции, которое биологически невыгодно при общих условиях, бывает спасительным, если популяция поражается каким-то мощным паразитом, которому это отличие мешает (см. «малярия» и «серповидно-клеточная анемия»). И тогда среди выживших процент носителей этого, дотоле редкого, отличия начинает резко расти. Обуза превращается в броню.

Но мы, в отличие от иных популяций, — люди, а это значит в том числе, что мы можем не ждать, пока вымрут не имеющие защиты от паразита и размножатся защиту имеющие. Мы вполне можем просто поучиться у наших нейроотличных товарищей тому, как именно они это делают. И можем еще даже и успеть научиться.

...Вот такой, значит, я прочитала сугубо фантастический триллер, увешанный пасхалками от «Матрицы» до «Девушки с татуировкой дракона» и типичными для Идиатуллина уютными татарскими штучками. Совершенно добропорядочный и ничуть не реалистичный.

Даже, пожалуй, невинный.

Абсолютно.

